

Эррико Малатеста

**Краткая система анархизма
в десяти беседах**

Оглавление

I	3
II	5
III	8
IV	11
V	15
VI	18
VII	21
VIII	26
IX	29
X	33

I

Проспер (толстый буржуа, слегка знакомый с политической экономией и другими науками). Ну да . . . ну да, слышали мы это, — голодные люди, женщины — проститутки, брошенные дети, умирающие без присмотра . . . Ты все об одном и том же и, наконец, делаешься скучен . . . Давай лучше выпьем. Конечно, есть тысяча зол на свете: голод, невежество, война, преступления, чума . . . черт побери! Ну и что же? Какое тебе-то до всего этого дело?

Мишель (студент). Как, какое мне дело? Вот у вас удобный дом, вкусный обед, к вашим услугам — лакеи; вы даете высшее образование вашим детям; ваши женщины чисты и аккуратны. Вам хорошо. А там хоть погибни мир. Но если вам доступно чувство справедливости, если . . .

Проспер. Довольно, довольно. Пожалуйста, без проповедей. И, прошу тебя, брось ты этот тон, мой милый. Ты считаешь меня бесчувственным, равнодушным к несчастиям других. А между тем мое сердце исходит кровью (человек, коньяку, сигар!), мое сердце исходит кровью при виде чужого несчастья. Но в великих социальных вопросах решающее значение имеет не сердце. Законы природы непреложны, и напыщенными фразами и женственной чувствительностью их не изменить. Мудр тот, кто подчиняется обстоятельствам и пользуется жизнью, как может, не гоняясь за химерами.

Мишель. Вы говорите о законах природы?! А что, если обездоленные займутся исправлением этих знаменитых законов . . . природы? Есть люди, очень и очень сомневающиеся в непреложности этих ваших законов . . .

Проспер. Я знаю хорошо, о каких людях ты говоришь, знаю, с кем ты водишь компанию. Только скажи ты, пожалуйста, от моего имени, этой сволочи, этим социалистам и анархистам, которых ты так высоко ценишь, скажи им, что против них и против всех, кто захочет на практике применить свои зловерные теории, у нас есть храбрые солдаты и отличные жандармы.

Мишель. Раз вы пускаете в ход солдат и жандармов, то я умолкаю. Это ведь похоже на то, как если бы вы предложили решить наш спор кулачным боем. Однако, если у вас в запасе нет иного довода, кроме грубой силы, то на нее не следует слишком полагаться, так как завтра вы можете оказаться слабейшим . . . ну а тогда?

Проспер. Тогда наступила бы на время величайшая неурядица, разгул низких страстей, резня, разгромы, пожары и т. д., а потом все пошло бы по прежнему. Быть может, разбогател бы какой-нибудь бедняк, какой-нибудь богач впал бы в нищету, но в итоге ничто бы не изменилось, потому что мир измениться не может. Пожалуйста, приведи мне кого-нибудь из твоих анархистов-агитаторов; ты увидишь, как я разобью его. Они умеют забивать головы своими бреднями, вам, молокососам; но посмотришь, что останется от их аргументов, если они будут иметь дело со мной.

Мишель. Хорошо. Я приведу к вам одного из моих друзей, социалиста-анар-

хиста по убеждениям. И я с удовольствием и с пользой послушаю ваш спор. Но пока потолкуемте со мной. Хотя мои убеждения и не совсем еще тверды, но я вижу, однако, ясно, что современное общество устроено вопреки здравому смыслу и чувству человечности. Немножко поволноваться вам полезно. Вы такой здоровый, цветущий. Это только улучшит ваше пищеварение.

Проспер. Если ты уж так хочешь, — потолкуем. Однако, я думаю, ты сделал бы лучше, если бы занялся своими науками, вместо того, чтобы задумываться над неразрешимыми вопросами, пред которыми останавливаются в недоумении ученые и мудрецы всего мира. Подумай только, ведь я на целых двадцать лет старше тебя.

Мишель. Это еще не значит, что вы учились в двадцать раз больше, чем я; а если и действительно вы много учились, то судя по тому, что вы обыкновенно высказываете, — науки не пошли вам в прок.

Проспер. Молодой человек, вы немножко забываетесь!

Мишель. Извините. Но не тычьте же меня каждый раз моими годами и своими жандармами. Доказательства не могут быть ни стары, ни молоды; они или вески, или недостаточны, вот и все.

Проспер. Хорошо, хорошо, продолжай.

Мишель. Но... я хочу сказать, что я не понимаю, почему у крестьянина, который пашет, сеет, косит, работает в винограднике, разводит скот, почему у него нет в достаточном количестве ни хлеба, ни вина, ни мяса, почему у каменщика, который строит дом, нет крова, где бы он мог отдохнуть; почему у сапожника дырявые сапоги, почему, вообще, у всех тех, кто трудится, недостает самого необходимого, между тем как тунеядцы утопают в излишествах. Я не понимаю, почему есть люди, у которых нет куска хлеба, между тем как существует столько людей, мечтающих, как о счастье, о возможности обрабатывать эти земли; почему столько каменщиков без дела, когда многие нуждаются в жилище; почему столько сапожников, портных и т. п. без работы, когда большая часть населения нуждается в обуви, платье и в других самых необходимых вещах? Не можете ли вы мне сказать, что это за закон природы, который объясняет и устанавливает такой порядок?

Проспер. Ничего не может быть яснее и проще. Чтобы заниматься производством, недостаточно одних рук; нужна земля, нужны материалы, инструменты, помещение, машины; нужны, наконец, средства к жизни, чтобы иметь возможность ждать, пока предметы производства изготовятся и сбываются, — одним словом, нужен капитал. А твои рабочие и ремесленники, имея в своем распоряжении только руки, конечно, не смогут применить их к делу, если этого не захотят владельцы земли и капитала. Нас, капиталистов, немного; зато у нас имеется достаточно средств, чтобы в продолжение некоторого времени оставлять землю необработанной и капитал без употребления. Рабочих же много и они почти всегда находятся в крайности, — оттого и происходит, что они хватаются за всякую работу, какую мы найдем нужным им дать и на тех усло-

виях, какие нам заблагорассудится им предложить. Когда по условиям рынка их работа не приносит нам достаточной выгоды, мы сокращаем производство, и рабочим приходится сидеть без работы, хотя бы они и сами нуждались в тех предметах, производство которых мы сократили. Что ты скажешь на это? Надеюсь, это ясно, как день?

Мишель. Ясно, что и говорить. Но по какому праву земля принадлежит только нескольким лицам? Почему капитал сосредоточился в руках немногих, и именно тех, которые не трудятся?

Проспер. Ну, я знаю наперед все, что ты можешь сказать по этому поводу. Я знаю также те шаткие доводы, на которые сослались бы другие на моем месте: право собственности, основанное на улучшении земли, происхождение капитала из личных сбережений и т. д. Но я буду более откровенен. Положение, как оно есть, есть результат истории, продукт векового развития человечества. Вся человеческая жизнь была, есть и будет — непрерывная борьба. Некоторые выходят из этой борьбы победителями, другие — побежденными. Что тут поделаешь? Тем лучше для одних, тем хуже для других. Горе побежденным! Вот великий закон природы, не подчиниться которому — нельзя.

Чего же ты хочешь от меня? Чтобы я отказался от всего, что имею, чтобы я терпел лишения, предоставляя другим кутить на мои деньги?

Мишель. Положим, я хочу не этого. Но подумайте: а что, если рабочие, проникнувшись вашими же теориями, что жизнь есть борьба и что право там, где сила, — вздумают воспользоваться своим численным превосходством, в чьих руках окажется тогда земля и капитал, и кто тогда будет диктовать законы?

Проспер. Ну тогда, конечно, труднее будет разобраться. Но . . . мы поговорим об этом в другой раз. А сегодня я иду в театр. До свидания!

II

Амбруаз (председатель суда). Очень рад видеть вас, г.Проспер, и потолковать с вами по душе. В тот вечер, когда вы спорили с этим пустомелей, Мишелем, я не хотел вмешиваться в разговор. Но, дорогой мой, что за ужасная у вас манера отстаивать свои убеждения! Можно было подумать, что вы-то и есть анархист.

Проспер. Вот как! Почему это?

Амбруаз. Потому что вы, главным образом, напирали на то, что современный социальный строй основан на силе. Говоря так, вы как бы соглашались с теми, кто, опираясь на силу же, хочет ниспровергнуть этот строй. Ну, а высшие принципы, которые управляют цивилизованными обществами: — право, нравственность, религия, — вы не считаетесь с ними?

Проспер. Ну, конечно, у вас всегда на первом плане высшие принципы, — профессия обязывает. Но ведь если завтра правительством будет узаконен коллективизм, вы с такою же легкостью будете сажать в тюрьму сторонников частной собственности, с какою теперь сажаете анархистов, — и все это во имя

высших принципов, вечного незыблемого права. Мы только называем вещи различными именами: вы говорите — право; я говорю — сила. Но, в конце концов, решающее значение имеют наши молодцы — жандармы и прав будет всегда тот, кто будет иметь их на своей стороне.

Амбруаз. Ну полноте, г-н Проспер. Это замечательно, как вы любите прибегать к софизмам. Вы представить себе не можете, какое неприятное впечатление получается, когда видишь, что такой человек, как вы, — один из лучших людей, — и говорит заодно со злейшими врагами порядка. Поверьте, нам нужно оставить эту дурную привычку спорить и не соглашаться, особенно публично: нам нужно сплотиться, чтобы сообща защищать существующий строй, который начинает колебаться благодаря нарождающимся социальным движениям. . . нужно защищать свои интересы, которым начинает угрожать опасность.

Проспер. Да, нужно сплотиться, но если мы не примем энергичных мер, чтобы разом покончить с либеральным доктринерством, это ни к чему не приведет.

Амбруаз. Конечно, нужны суровые законы, решительные меры. Но одного этого недостаточно. Опираясь только на грубую силу, невозможно в наше время долго сдерживать в подчинения пробуждающийся народ. Против пропаганды нужно бороться пропагандой же: нужно постараться убедить народ, что на нашей стороне право.

Проспер. Трудно себе представить более пагубное заблуждение! Мой друг, во имя наших общих интересов, пожалуйста, избегайте пропаганды! Это — вещь очень опасная, даже в руках консерваторов, и ваша пропаганда окажет всегда услугу только социалистам, анархистам и тому подобным людям. Подите, убедите голодного человека, что вполне справедливо, что он голодает, в особенности, если он же сам производит в изобилии те самые продукты, которых ему недостает. Пока его мысль не останавливается на этом, он благодарит Бога и хозяина за то, что дела еще не совсем плохи, и этого довольно. Но с того момента, как он начал размышлять о своем положении, все кончено: он делается непримиримым врагом.

Да, нужно всячески избегать пропаганды, оказывая давление на печать, не считаясь даже с тем, законно это или незаконно.

Амбруаз. Пожалуй, вы правы.

Проспер. Закрывать всякие союзы, разгонять собрания, ссылать всех, кто думает. . .

Цезарь (фабрикант). Потихе, потихе! не следует так горячиться. . . Вспомните, ведь правительства различных стран не раз поступали по вашему рецепту и. . . именно этим-то ускорили свое падение.

Амбруаз. Тише! Вот идет Мишель и анархист, которого я засадил в прошлом году на шесть месяцев в тюрьму за противоправительственное воззвание. Говоря между нами, воззвание, по своей форме, не было противозаконно; но

в нем замечалось преступное намерение. Вы понимаете?! Общество должно же защищаться. . .

Мишель. Здравствуйте, господа. Рекомендую вам моего друга, анархиста, который охотно принимает вызов г.Проспера потолковать с ним на темы того вечера.

Проспер. Какой вызов?! Спорят так себе, в дружеском кругу, чтобы убить время. И так, вы хотите объяснить нам, что такое анархизм, которого мы никак не можем уяснить себе.

Георг (социалист-анархист). Я не профессор анархизма и не собираюсь читать курса, но сумею постоять за свои убеждения. (Обращаясь с насмешливым видом к Амбруазу, председателю суда). Что касается вас, милостивый государь, то вам этот предмет должен быть знаком даже ближе, чем мне; ведь столько анархистов вы засадили в тюрьму! А так как вы порядочный человек, то, вероятно, прежде чем осуждать за какое-нибудь учение, вы основательно с ним знакомитесь.

Цезарь. Ну, личности оставим в покое. И так, мы хотели бы поближе познакомиться с анархизмом.

Со своей стороны я, видите ли, тоже признаю, что положение вещей плохо и что необходимо внести улучшения. Но только не нужно несбыточных мечтаний, и, в особенности, не нужно насилия. Само собой разумеется, правительство должно позаботиться о нуждах рабочих, доставить работу безработным, должно поощрять промышленность, поощрять торговлю, но. . .

Георг. Какое множество дел хотите вы взвалить на злосчастное правительство! Беда только, что не в его интересах стоять за рабочих, и это понятно.

Цезарь. Как это понятно? Действительно, правительство до сих пор не ввело почти никаких социальных реформ, но, в будущем, просвещенные и более способные министры могли бы многое сделать.

Георг. Нет, зло совсем не в министрах, а вообще, в правительстве, в каких бы то ни было правительствах, настоящих, прошедших и будущих. Всякое правительство зиждется на собственности и состоит из ее представителей; как же оно может действовать в интересах рабочих?

С другой стороны, даже если бы правительство захотело решить социальный вопрос, оно было бы не в силах это сделать, потому что решение этого вопроса зависит от общих причин, которые не могут быть уничтожены правительством, так как сами лежат в его основе и сообщают ему ту форму, в какой оно выражено.

Чтобы решить социальный вопрос, необходимо в корне изменить всю систему, в защите которой и состоит назначение государства.

Вы говорите, — дать работу безработным? Но что может сделать правительство, если работы нет? Не изобретать же никому ненужные работы?! и притом, кто же будет их оплачивать? Разве оно может принудить капиталистов производить то, в чем нуждается народ? Это было бы равносильно лишению

владельцев их собственности, потому что правительство, чтобы дать рабочим необходимые продукты, должно было бы присвоить себе право распоряжаться землей и капиталом, принадлежащими владельцам. Это и была бы социальная революция, последние счеты с прошедшим, и вы понимаете, что, пока сами обездоленные рабочие этого не сделают, правительство никогда, конечно, на это не пойдет.

Вы говорите, — поднять торговлю, промышленность! Но правительство может только поощрять один род промышленности в ущерб другому, поддерживать торговлю в одном месте в ущерб торговле в другом, и, в конце концов, эти лицеприятные и несправедливые поощрения ведут только к излишним расходам, не давая положительного результата.

Правительство, оказывающее покровительство равно всем, — это абсурд, так как правительство ничего не производит, а может только перемещать богатства, создаваемые другими.

Цезарь. Но . . . если правительство не хочет и не может ничего сделать, где же тогда выход из этого положения? Если вам удастся произвести революцию, вы же выберете тогда другое правительство? А так как, по вашим словам, все правительства стоят один другого, то значит после революции мы окажемся в том же положении, как и до нее?

Георг. Именно потому-то мы и не хотим вовсе правительства. Анархизм и есть учение об устройстве общества без правительства.

Цезарь. Ну, это невозможно. Как же тогда жить? Что станется тогда с законами и кто будет подчиняться им?

Георг. Я вижу, вы, решительно, не имеете никакого понятия о том, чего мы добиваемся. Но, чтобы не терять времени, вы позвольте, я изложу вам кратко, но последовательно нашу программу. И потом уж вы представите свои возражения. Но теперь уже поздно. Отложим до другого раза.

III

Цезарь. Вы нам объясните сегодня, как можно жить без правительства.

Георг. Постараюсь, как могу. Но прежде всего проверим, так ли, действительно, плохо живется при современном строе, чтобы ощущалась необходимая потребность изменить этот строй.

При первом взгляде на современное общество прежде всего бросается в глаза поразительное обеднение масс, неуверенность в завтрашнем дне, более или менее угрожающая всем, ожесточенная борьба всех против всех из-за куска хлеба . . .

Амбруаз. Ну, в таком духе можно говорить до завтра, материала хватит. Но прежде всего вы не должны забывать, что не только бедность угнетает человечество; есть еще чума, холера, землетрясения . . . Было бы занятно, если

бы вы провозгласили революцию против всех этих зол . . . Зло в самой природе вещей.

Георг. Но я, именно, хотел показать, что бедность зависит от существующей формы социальной организации и что в обществе, устроенном более разумно и более справедливо, ее не будет.

Пока не знаешь причины болезни и не умеешь ее лечить, нужно терпеливо выжидать. Но когда лекарство найдено, все обязаны знать и применять его.

Амбруаз. В этом-то и есть ваше заблуждение: бедность зависит от причин, стоящих выше человеческой воли и человеческих законов. Она зависит от скудости самой природы, произведений которой не может хватить на всех людей. Посмотрите на животных, у которых нет ни гнусного капитала, ни деспотичного правительства: они борются непрерывно за существование и часто умирают с голода.

Земля перенаселена — это факт. Следовало бы беднякам быть воздержаннее и не производить потомства более того, сколько можно накормить. Читали вы Мальтуса?

Георг. Да, слегка. Хотя немного потерял бы, если бы и вовсе не читал. Без всяких книг я знаю, что нужно быть отъявленным нахалам, — простите за выражение, — чтобы отстаивать такие положения. Утверждая, что бедность зависит от скудости природы, вы не можете же не знать, что существует множество необработанных земель.

Амбруаз. Не обрабатываются те земли, которые не годятся для обработки и которые не могут окупить затрат производства.

Георг. Вы так думаете? А попробуйте подарить их крестьянам и вы увидите, какие сады разведет он на ваших неудобных землях. Неужели вы серьезно это говорите? Ведь многие из этих земель возделывались в прежнее время, когда земледелие было еще в зачаточном состоянии, когда еще не было и в помине сельскохозяйственной технологии. Разве вы не знаете, что в настоящее время все земли, до самых скалистых вершин, можно обратить в плодоносные? Разве вы не слышали, что агрономы, самые умеренные, находят, что такая территория, как Италия, будучи хорошо обработана, может с избытком прокормить население в 100 миллионов жителей? Единственная причина того, что земли лежат необработанными, и что те, которые обрабатываются, дают не столько, сколько они могли бы давать при более совершенных способах обработки, — заключается в том, что не в интересах владельцев увеличивать производство. Им нет дела до народного благосостояния; они производят только для торговли, и они знают, что чем продукта больше, тем ниже его цена, и тем меньше получится прибыли. Когда же количество продукта недостаточно, они продадут его по той цене, какую им заблагорассудится установить.

И во всех отраслях человеческой деятельности мы видим то же самое. Во всех городах, например, бедняки должны ютиться в отвратительных лачугах, в такой тесноте и при таких условиях, что и речи не может быть ни о гигиене, ни

о нравственности, где, одним словом, нет возможности жить по-человечески. А почему? От недостатка домов? Но отчего же в таком случае не строят здоровые, удобные, хорошие дома, и в таком количестве, чтобы их хватило на всех? Камня, кирпича, извести, железа, дерева, всех материалов, всего этого — в изобилии, есть также много каменщиков, плотников, архитекторов, которые только и думают о том, как бы получить работу. Почему же столько сил остается в бездействии, сил, которые могли бы послужить на пользу общества? Причина проста: если бы было много домов, спрос на квартиры упал бы. Владельцы существующих домов, те же самые, которые имеют возможность построить домов еще, не имеют никакого желания получать меньшие выгоды из-за удобств бедняков.

Цезарь. Это верно. Есть доля истины в том, что вы говорите, но вы неправильно истолковываете печальные явления, угнетающие нашу страну. Невозделанные земли, застой в делах, общее обеднение! Причина всего — недостаток предприимчивости у нашей буржуазии. Капиталисты трусливы и невежественны, не хотят или не умеют развивать промышленность; землевладельцы умеют вести свое дело только так, как вели их деда, и боятся нововведений; торговцы не умеют расширить сбыт товаров, а правительство со своей казенщиной и со своей идиотской таможенной политикой, вместо того, чтобы поощрять частную предприимчивость, всячески ее стесняет и убивает в самом зачатке. Взгляните на Францию, Англию, Америку. . .

Георг. Что наша буржуазия невежественна и непредприимчива, с этим я вполне согласен; но эти ее несовершенства объясняют, и то только отчасти, почему она уступает буржуазии других стран в борьбе за завоевание мирового рынка, но не в ней причина обеднения народа.

Чтобы доказать это, я укажу на тот факт, что бедность, безработица и все остальные социальные бедствия существуют также и в других странах, там, где буржуазия и предприимчива, и развита; скажу более того: с развитием промышленности, эти бедствия усиливаются и если в самых передовых странах рабочие не дошли до крайней нищеты и рабства, то этим они обязаны исключительно тому отпору, который они проявляют в форме союзов, забастовок, восстаний и угроз революцией. Капитализм везде один и тот же. Для его процветания необходимо держать рабочих впроголодь. Это нужно, во-первых, чтобы поддерживать высокие цены на товары, а во-вторых, чтобы всегда иметь возможность нанять голодных рабочих на каких угодно условиях.

Вы видите, действительно, что, когда в стране начинает быстро развиваться какое-нибудь производство, это не доказывает, что материальное положение рабочих улучшилось и они получили возможность потреблять больше; нет, причина этого — увеличение спроса на внешних рынках. Местное потребление увеличивается только в том случае, если рабочие, пользуясь счастливыми обстоятельствами принудили хозяев увеличить заработную плату и, таким образом, получили возможность больше покупать. Но если, затем, по той или

иной причине, внешний рынок, который, главным образом, имеется в виду при производстве, закрывается, то наступает кризис, работа останавливается, заработная плата понижается и опять наступает беспросветная нищета. А между тем в самой стране большинство, зачастую, страдает от недостатка тех самых предметов, производство которых сократилось, и на лицо насущная потребность работать для собственного потребления. Но какая корысть капиталистам от этого?

Амбруаз. Так вы полагаете, все зло в капитализме?

Георг. Без сомнения, или лучше сказать, в этом факте, что несколько лиц захватили землю и все орудия производства и преследуют только свои выгоды, не считаясь с потребностями и нуждами населения.

Все доводы, что вы можете привести в защиту прав буржуазии, полны заблуждений и лжи.

Минуту тому назад вы сказали, что причина бедности — это недостаток продуктов. Теперь, желая решить вопрос о безработице, вы говорите, что магазины переполнены, что предметы производства не имеют сбыта, что фабриканты не могут давать работу, когда знают, что потом придется выбросить изготовленные предметы.

В этом то вся и бессмыслица системы: земледельцы мрут с голоду в то время, как миллионы десятин земли лежат невозделанными, потому что землевладельцы не находят выгоды их пахать; сапожники сидят без работы и ходят без сапог в то время, как сапог слишком много и т. д. и т. д.

Амбруаз. Значит капиталистам надо умирать с голоду?

Георг. Что за вздор! Просто, они должны работать наравне со всеми. Это вам кажется немножко жестоко; но когда человек сыт, работа не так уж тяжела, она только способствует обмену веществ и поддерживает бодрое настроение в человеке.

Но уже поздно. Завтра мне надо работать. До другого раза!

IV

Цезарь. Беседа с вами доставляет мне живейшее удовольствие. Вы умеете придавать вашим доводам такую убедительность. И вы правы во многом. Несообразности, видимые и скрытые, действительно существуют в настоящем социальном строе. Например такая вещь, как таможенная пошлина, очень трудна для разумения: в то время, как у нас народ умирает с голоду, от нищеты и недостатка хлеба, правительство препятствует свободному ввозу зерна из Америки, страны, где его больше, чем нужно, и где владельцы хлеба только и мечтают, как бы его сбыть нам. Что сказали бы вы о человеке, который, будучи голоден, не захотел бы есть?! А это похоже на то! Однако. . .

Георг. Но ведь голодает не правительство и не владельцы итальянского хлеба, в интересах которых правительство устанавливает пошлины на хлеб.

Если бы это зависело от тех, кто голодает, поверьте, они не отказались бы от хлеба.

Цезарь. Это верно! и вам не трудно увлечь за собой народ такими доводами; ведь народ так легко проникается доводами, клонящимися в его пользу! Но, чтобы не впадать в ошибку, необходимо рассмотреть вопрос со всех сторон, что я и собирался сделать, когда вы меня перебили. Конечно, запретительные пошлины имеют в виду, главным образом, интересы землевладельцев; но, с другой стороны, если бы границы были открыты, американцы, добывающие хлеб и мясо при более благоприятных условиях, чем мы, наводнили бы наш рынок, а тогда что бы стали делать наши крестьяне? Землевладельцы были бы разорены, но положение рабочих было бы еще хуже. Хлеб продавался бы по 1 коп. за фунт, но раз нет возможности заработать и эту копейку, люди будут умирать с голоду так же, как и раньше. И потом нужно же чем-нибудь расплачиваться с американцами за их хлеб, а если Италия ничего не будет производить, чем мы будем расплачиваться?

Конечно, вы можете возразить, что в Италии могли бы производить для обмена те продукты, для которых почва и климат Италии наиболее благоприятны, как например вино, апельсины, цветы, ну, там не знаю еще что! Но что, если те вещи, которые мы можем производить с наименьшими затратами, не будут иметь сбыта, потому ли, что он не в употреблении, или потому, что другие сами захотят производить такие же? Тогда как быть? Притом вы забываете, что одних благоприятных климатических условий еще недостаточно; нужен капитал, кредит, международные торговые сношения, а, в особенности, возможность выжидать. . . А чем будут сыты в ожидании?

Георг. Отлично! Вы указали на самое важное. Свободный обмен не может так же, как и протекционизм решить вопрос о бедности. При свободном обмене выигрывают интересы производителя? При покровительстве же, наоборот, теряет потребитель, а выигрывает производитель? А в конце концов, протекционизм и свободный обмен — одно и то же, так как рабочий в то же время является и производителем, и потребителем.

И так будет всегда, пока не будет положен предел системе капитализма.

Если бы рабочие работали для своей пользы, а не для прибылей фабрикантов, каждая страна производила бы столько, сколько ей нужно, установились бы международные сношения с целью распределить труд в зависимости от почвы, климата, наличности сырого материала, населенности и т. д.; таким образом, все люди получили бы наибольшее удовлетворение с наименьшими усилиями.

Цезарь. Да, но ведь это только прекрасные мечты!

Георг. В настоящее время, да, это мечта. Но когда народ сознает свою пользу, мечта сделается действительностью. Только узкий эгоизм людей мешает ее осуществлению.

Цезарь. Есть и другие препятствия. Вы воображаете, что стоит только избавиться от хозяев-предпринимателей, и все заживут в довольстве. . .

Георг. Конечно, мало одного разрушения. Чтобы выйти из состояния нищеты, чтобы организовать производство в размере, могущем удовлетворить потребности всех, нужно будет работать очень много. Но народу не занимать привычки и охоты к труду! Была бы только возможность, которой теперь нет!

Нас возмущает существующий строй не потому, что бездельники живут при нем в полном довольстве, — хотя это, правда, не может нам особенно нравиться, — но, главным образом, потому, что эти тунеядцы умышленно создают невозможные условия труда и этим препятствуют производить все и для всех.

Цезарь. Вы преувеличиваете. Совершенно верно, что иногда предприниматели спекулируют на недостатке продуктов. Но чаще всего это бывает оттого, что у них недостаточно капитала.

Для производства нужны не только земля и сырые продукты, — вы знаете, — нужны еще орудия, машины, помещения, наконец, нужен капитал, и большой капитал. Сколько предприятий так и остаются в проекте, или раз начавшись, не выдерживают и банкротятся от недостатка капитала. Подумайте только, что может произойти, если настанет социальная революция, к которой вы так стремитесь! Значение капитала упадет, возникнет невероятная путаница отношений, граничащая с общественным бедствием.

Георг. Недостаточность капитала — это второе заблуждение или, лучше сказать, вторая ложь защитников существующего порядка. Капитала может не хватать для того или иного частного предприятия, потому что его не выпускают из рук частные владельцы; но общество, в целом, содержит неисчерпаемый источник капитала. Разве вы не видите, сколько машин ржавеют, сколько фабрик бездействуют, сколько домов стоят необитаемыми!

Пока рабочие работают, они сыты; оставаясь же по произволу капиталиста без работы, они перебиваются кое-как и живут впроголодь. Но если бы рабочие работали по собственной инициативе, они согласились бы, если бы то было действительно необходимо, согласились бы работать, живя впроголодь, как живут при безработице, так как они знали бы, что эта временная жертва даст им возможность выйти из состояния нищеты и зависимости.

Представьте себе, — это случалось много раз, — что землетрясение разрушает город, обращает в развалины целую страну. В короткий срок город выстраивается еще лучше, чем он был до того, и во всей стране не остается и следа разрушения. Так как в этом случае капиталисты и собственники заинтересованы в том, чтобы начались работы, средства моментально находятся и в мгновение ока выстраивается целый город там, где до тех пор в продолжение десятков лет уверяли, что нет средств для постройки нескольких домов для рабочих.

Что касается уничтожения богатств, которое принесла бы с собой революция, то надо надеяться, что движимый сознательным желанием сделать общими накопленные веками богатства, народ не захочет разрушать и уничтожать то, что

должно сделаться его достоянием. Во всяком случае, по своим последствиям это не будет вреднее землетрясения.

Само собою разумеется, встретится много затруднений, прежде чем все наладится. Но я предвижу только два значительных затруднения, с которыми придется считаться прежде всего: это — бессознательность народа и . . . жандармы.

Амбруаз. Но скажите мне, — вот вы говорите о капитале, о труде, о производстве, о потреблении и т. д. Но право, правосудие, нравственность, — о них вы не упоминаете. Вопрос о том, как лучше использовать землю и капитал, — вопрос очень важный; но еще важнее основные вопросы нравственности. Я тоже желаю, чтобы всем жилось хорошо, но если для того, чтобы осуществить эти утопии, придется преступить нравственный закон, отречься от вечных принципов справедливости, лежащих в основе каждого просвещенного общества, о, тогда я тысячу раз предпочту примириться со всеми бедствиями настоящего. Перестаньте же раз и навсегда возбуждать бессознательную толпу, не будите призрачных надежд в душах обездоленных судьбою, перестаньте раздувать огонь, который, к несчастью, непрерывно тлеет под пеплом! Неужели вы хотели бы, о, современные варвары! погresti под развалинами социального строя ту культуру, которая составляет нашу гордость и славу наших отцов? Если вы хотите сделать доброе дело, если вы хотите облегчить, насколько возможно, страдания несчастных, научите их смирению и покорности своей участи, так как истинное счастье заключается в умении довольствоваться тем, что есть. В конце концов, ведь каждый человек несет свой крест, каждый класс общества имеет и свои невзгоды и свои обязанности, и те, что живут в роскоши не всегда самые счастливые.

Георг. Довольно, довольно, почтенный судья! Спрячьте в карман ваши высшие принципы и ваше профессиональное негодование! Мы не в суде, и я сейчас не подсудимый. Не трудно догадаться, слушая вас, к какому лагерю вы принадлежите! Так сладко поют о терпении и покорности только те, кого бедняки выносят на своих плечах!

По-моему же, если право, правосудие и нравственность требуют гнета и насилия хотя бы над одним человеческим существом, то и ваше право, и ваше правосудие, и ваша нравственность — только ложь, негодное оружие, скованное для защиты избранных. Право, правосудие, нравственность должны быть одинаковы для всех; в противном случае, они — синонимы гнета и несправедливости. Эта истина лежит в самой основе существования и развития человеческого общества, она утвердилась в сознании человека и приобретает все более и более значения, несмотря на все старания противодействовать этому со стороны тех, кто до сих пор властвовал в мире.

Только при помощи жалких софизмов вам удастся согласовать существующие социальные учреждения с высшими принципами нравственности и справедливости.

Амбруаз. Ну, это слишком самонадеянно. Насколько я вас понял, вы не только отрицаете, например, собственность, но еще осмеливаетесь утверждать, что и самое право на нее не может быть защищено с точки зрения высших принципов?

Георг. Вот, именно, это самое я утверждаю. Если угодно, то и докажу вам в следующий раз.

V

Георг. И так, г. судья, если не ошибаюсь, мы остановились на вопросе о праве собственности.

Амбруаз. Совершенно верно. И мне, действительно, очень интересно, как вы отстоите с точки зрения справедливости и нравственности ваши идеи насилия и грабежа.

Общество, в котором никто не может быть уверенным в неприкосновенности своего имущества, перестает быть обществом и становится стаей волков, всегда готовых пожрать один другого.

Георг. А вам не кажется, что именно в этом состоянии и пребывает то общество, в котором мы теперь живем? Вы нас обвиняете в стремлении к грабежу и насилию; на самом же деле, именно владельцы собственности постоянно обижают рабочих и пользуются плодами их трудов.

Амбруаз. Владельцы собственности делают из своего имущества то употребление, которое им кажется наилучшим; и они имеют на то право так же, как рабочие свободно могут располагать своими руками. Хозяева и рабочие свободно договариваются о цене работы, а когда договор заключается не по принуждению, жаловаться не на кого. Благотворительность может облегчить слишком большие несчастья, незаслуженные страдания, но право должно стоять незыблемо.

Георг. Ну, что вы говорите мне о свободном договоре! Рабочий должен работать, чтобы не умереть с голода, и его свобода — свобода того путника, который отдает свой кошелек напавшим на него разбойникам, чтобы только остаться в живых.

Амбруаз. Это возможно. Но вы не можете только по этой причине лишать каждого возможности располагать своим имуществом, как он желает.

Георг. Своим имуществом! Его имуществом! Но почему землевладелец может сказать, что земля его? И почему, и как капиталист осмелится утверждать, что орудия производства и другие богатства, созданные общими усилиями человечества, принадлежат ему?

Амбруаз. Закон признает за ним это право.

Георг. А! если весь вопрос только в законе, то разбойник с большой дороги мог бы с успехом доказать, что он имеет право убивать и грабить; для этого ему нужно было бы только привести какую-нибудь статью закона, которой бы

признавалось это право. Так именно и поступают господствующие классы: их законы или закрепляют право на совершенные уже хищения или дают верное средство совершать новые.

Если все ваши «высшие принципы» основаны только на своде законов, то стоит завтра обнародовать закон об отмене частной собственности, и вы признаете за высший принцип то, что называете сегодня грабежом и кражей.

Амбруаз. Но закон не должен быть произволен. Он должен согласоваться с принципами права и нравственности, а не вытекать из необузданного произвола, иначе . . .

Георг. Не право создается законом, а наоборот, закон вытекает из права. А в таком случае, по какому праву, закон обеспечивает за несколькими лицами обладание всеми существующими богатствами, как естественными, так и созданными трудом, и почему эти немногие держат в своих руках судьбу всех других, обойденных судьбою?

Амбруаз. Но этим правом, правом свободно распоряжаться плодами своих трудов, должен пользоваться каждый человек. В человеке с рождения заложено это чувство и без него немыслима никакая цивилизация.

Георг. Как! Вы уже начинаете защищать права трудящихся! Bravo! Но объясните мне в таком случае, почему же тот, кто работает, ничем не владеет, а тот, кто ничего не делает, является владельцем собственности?

Что собственники грабители, — не есть ли это логический вывод из вашей теории? Не находите ли вы, что вполне справедливо, если их богатства отнимутся от них и отдадутся законным владельцам, трудящимся?

Амбруаз. Если и есть собственники, которые не работают, так это потому, что они работали прежде или они мудро сберегли и сумели даже пустить в оборот унаследованное от предков.

Георг. Как! вы допускаете, что рабочий, который еле-еле сводит концы с концами, может откладывать и накапливать богатства?!

Вы хорошо знаете, что истинное происхождение богатства есть насилие, воровство, законное и незаконное хищение. Но предположим, однако, что какой-нибудь человек сэкономил кое-что от своего личного труда: вполне справедливо, если он воспользуется этими сбережениями, когда хочет и как хочет. Но дело совершенно изменяется, когда начинается то, что вы называете «пустить сбережения в оборот». Это уже означает — заставить работать других и отбирать у них часть результата их труда; это означает — скупить товары и продавать их дороже, чем они стоят; это означает — отнять у других возможность свободно трудиться, и принудить их работать за самое незначительное вознаграждение; это означает еще много других подобных вещей, которые не имеют ничего общего со справедливостью, но которые убедительно доказывают, что собственность, — когда даже она не есть результат открытого, явного воровства, — зиждется на труде других, обращаемом собственниками так или иначе в свою пользу. Вам кажется справедливым, если человек, скопивший

своим трудом или, говоря по-вашему, своей предприимчивостью, маленький капитал, получает благодаря этому возможность посягать на плоды трудов других людей? Более того! Если он завещает всему своему потомству право жить, ничего не делая, за спиной работающих?

Неужели вы находите справедливым, что большей части человечества суждено пребывать в нищете и невежестве только потому, что несколько человек, трудолюбивых и бережливых, — я говорю, становясь на вашу точку зрения, — скопили капиталы? Но я очень грешу против истины, допуская хотя бы на одну только минуту, что собственники — трудящийся народ, или потомки трудящихся? Хотите, я расскажу вам происхождение богатств наших известных миллионеров, как тех, что ведут свой род от древних времен, так и вчерашних выскочек?

Амбруаз. Нет, пожалуйста, не будем касаться личностей. Если и существуют нечестно приобретенные богатства, это еще не причина для того, чтобы отрицать право собственности. Прошлое есть прошлое; не к чему доискиваться первоисточника несправедливости.

Георг. Хорошо, не будем доискиваться. Для меня это не важно. Частной собственности не должно быть, так как она дает право и средства эксплуатировать труд других и, все разрастаясь, ставить массу людей в зависимость от нескольких лиц.

А, кстати, как оправдываете вы частное землевладение? Ведь нельзя сказать, что оно есть результат труда землевладельца или его предков?

Амбруаз. Очень просто. Неводеланная, бесплодная земля никакой ценности не имеет. Человек занимает ее, удобряет, делает ее плодородной и, естественно, имеет право на плоды, которые без его труда не получились бы.

Георг. Очень хорошо; Это — право работающего на продукт его труда; но это право утрачивается, как только прекращается обработка земли. Не кажется ли вам, что это так должно?

А как вы оправдываете владельцев необозримых земельных угодий, даже с помощью чужого труда никогда ими не обрабатываемых?

Как объяснить то, что земли, совершенно нетронутые, принадлежат не всем, а только некоторым?

Какой это труд, какие улучшения дают в подобных случаях право на собственность?

Происхождение частного землевладения так же, как и обладание другими богатствами основано на насилии; это — истина и объяснить это можно, только допустив принцип: право есть сила. А в таком случае. . . горе вам, если в один прекрасный день вы окажетесь слабейшими!

Амбруаз. Но, в конце концов, вы упускаете из вида общественную пользу, неизбежные нужды общества. Без права собственности не было бы обеспеченности, закономерности труда и общество представляло бы нечто хаотическое.

Георг. Как, теперь вы говорите об общественной пользе?! Но в наших пер-

вых беседах я только и говорил, что о вреде, проистекающем для общества от частной собственности и вы, не будучи в силах доказать ее пользу, взялись доказать мне высшую справедливость принципов права, на которых собственность основана.

Я вижу, что вам сегодня не выбраться из заколдованного круга; к тому же я спешу. Но мы еще потолкуем.

VI

Георг. А знаете ли, кто-то сообщил в газету содержание нашего тогдашнего спора и за это газету приостановили.

Амбруаз. Неужели?

Георг. Уж будто бы вы ничего не знаете?! Я не могу понять, как можете вы, считая себя правым, так бояться опубликования противоположных мнений?! В этой газете и ваши, и мои доводы были переданы вполне точно. Вместо того, чтобы радоваться, что публика оценит по справедливости основания, на которых зиждется современный общественный строй и осмеет тщетные нападки его противников, вы, напротив, стараетесь замазать людям рот.

Амбруаз. Я тут не при чем. Я не имею никакого отношения к прокурорскому надзору; я — представитель суда.

Георг. Если это и так, вы все-таки коллеги и проникнуты одним и тем же духом. Может быть, мой разговор вам неприятен? Тогда скажите мне... я уйду, поговорю где-нибудь в другом месте.

Амбруаз. Нет, нет, напротив, я должен признаться, что наш разговор меня очень интересует. Будем продолжать! Что же касается запрещения газеты, я замолвлю об этом прокурору. Как бы то ни было, действующий закон не дает никому права лишать вас возможности высказываться.

Георг. Будем продолжать. В прошлый раз, как мне помнится, вы защищали право собственности, опираясь, прежде всего, на существующий закон, т. е. свод законов, потом ссылались на чувство справедливости и, наконец, на общественную пользу.

Позвольте мне изложить в нескольких словах свой взгляд на этот вопрос. По-моему, частная собственность несправедлива и безнравственна, потому что она основывается или на грубой силе, или на обмане, или на узаконенной эксплуатации труда других; она вредна, потому что она затрудняет производство и добывание из земли продуктов первой необходимости, в которых терпит нужду большинство людей; она вредна еще потому, что создает нищету масс и порождает ненависть, гнев, преступления и большую часть зол, угнетающих современное общество. Вот почему я хотела бы, чтобы ее не существовало, и чтобы ее заменил строй с общественной собственностью, при котором все люди получили бы, при справедливом распределении труда, возможно больше жизненных благ.

Амбруаз. Но, ей Богу, я не вижу, как логически вы придете к этому?

Вы ниспровергли право собственности, потому что, по вашему, собственность происходит от насилия и эксплуатации труда других; вы сказали, что капиталисты распоряжаются производством, имея в виду исключительно свои интересы, а не желание полнее удовлетворить, при наименьших усилиях работающих, потребности народа; более или менее убедительно вы доказали, что не должно существовать права получать доходы с земли, которую не обрабатываешь своими руками; вы отвергли также право пускать в оборот свои собственные деньги и извлекать пользу, употребляя их на постройку домов и на другие виды промышленности; в противоположность праву собственности, вы признали право трудящегося на продукт его личного труда; более того, вы стали на защиту его права. Одним словом, вы осудили бесповоротно право частной собственности на землю и орудия производства, доказали необходимость раздела земли и орудий производства между всеми желающими ими пользоваться. Но от этого еще далеко до коммунизма; частная собственность на продукты личного труда должна же существовать, и если вы хотите, чтобы ваш свободный рабочий наслаждался спокойной уверенностью в завтрашнем дне, без которой не может идти успешно никакая работа, — вы должны еще признать частную собственность на землю и орудия производства, по крайней мере на то время, когда они нужны для работника.

Георг. Недурно! Продолжайте! Вы уже ударились в социализм. Ваша теория несходна с моей, но, тем не менее, она близка к социализму. Председатель суда — социалист! Это любопытное явление!

Амбруаз. Нет, нет, отнюдь не социалист! Я только хотел вам доказать, что вы напрасно называете себя коммунистом, будучи не более как сторонником давнишней утопии раздела земли и имущества. Только вы забываете, что дробление собственности делает невозможным всякое крупное предприятие и поведет к общему обнищанию.

Георг. Конечно, раздел имущества не только отозвался бы невыгодно на производстве, но, что еще хуже, он в недалеком будущем привел бы обратно к восстановлению крупных состояний, к обеднению масс, к нищете и к возможности еще большей эксплуатации.

Но дело в том, что я не сторонник раздела имущества.

Я признаю право работника на продукт его труда, но только в виде отвлеченной формулы справедливости; на практике оно означает только, что труд не должен эксплуатироваться, что все должны работать и пользоваться плодами своего труда согласно принятому всеми обычаю.

Нельзя брать работника, как нечто отдельное от всего остального мира, живущим только в себе и для себя; на него надо смотреть как на члена общества, который обменивается постоянно услугами с другими работниками и который должен согласовать свои права с правами других. В конце концов, совершенно невозможно точно определить, особенно при современных спосо-

бах производства, какая доля труда вложена в продукт каждым из работников. Также совершенно невозможно определить при различии производительности каждого рабочего или целой группы рабочих, какая доля труда должна быть отнесена за счет их ловкости и энергии, и какая обусловлена плодородием почвы или качеством употребляемых инструментов, какая доля зависит от преимуществ или трудности известного социального положения или среды.

Точный учет прав каждого не может лечь в основу решения этого вопроса; его нужно искать в братском согласии, в солидарности.

Амбруаз. Но тогда свободы уже не будет.

Георг. Напротив, тогда только и возможна свобода. Так называемые либералы называют свободой теоретическое отвлеченное право делать что хочется и у них хватает наглости говорить, не краснея и не шутя, что человеку, умирающему с голода оттого, что ему нечего есть, предоставлена полная свобода кушать.

Мы же, напротив, мы называем свободой практическую возможность исполнения желаний, — и эта свобода, которая только и есть истинная свобода, становится тем более осуществимой, чем более будет доброго согласия между людьми и чем сильнее будет развито чувство взаимопомощи.

Амбруаз. Вот вы сказали, что если бы поделить имущество, то большие состояния вновь быстро восстановились бы и все вернулось бы скоро к тому положению, которое было до раздела. Почему это так?

Георг. Потому что, с самого начала было бы невозможно установить для всех совершенное равенство: качество земли, например, бесконечно различно; одни земли производят много и почти не требуют обработки; другие дают мало, требуя, в то же время, массы труда. Различные местности представляют всевозможные выгоды и невыгоды; различие физической и умственной силы также является существенным фактором.

Момент дележа был бы сигналом к соперничеству и борьбе: лучшие земли, лучшие орудия производства были бы захвачены людьми более сильными, более умными или более ловкими, которые немедленно заняли бы привилегированное положение. Эти счастливые, благодаря самым элементарным преимуществам, на которые я только что указал, убедились бы, что их значение растёт с каждым днем и это положило бы начало новой эксплуатации и экспроприации, что привело бы, в конце концов, опять, к буржуазному строю.

Амбруаз. Но этому можно было бы противопоставить законы, признающие неотчуждаемой долю каждого и которые бы создали ряд гарантий для слабых.

Георг. Ах, вы все еще верите в спасительную силу закона! Недаром вы принадлежите к судейскому сословию!

Законы издаются и отменяются по произволу наиболее сильных. Те, кто немного посильнее большинства людей, те обходят законы; те же, кто гораздо сильнее, просто отменяют их и издают другие, более удобные для себя.

Амбруаз. Ну, а при новом строе, о котором вы мечтаете?

Георг. А при новом строе борьба между людьми заменится соглашением и солидарностью. Но чтобы прийти к этому, необходимо прежде всего уничтожить частную собственность.

Амбруаз. Так вы, серьезно, коммунисты?! Все для всех, работай, кто хочет, а кто не хочет, ешь, пей и веселись! Какая счастливая страна! Какая чудесная жизнь! Какой дом умалишенных! Ха, ха, ха!

Георг. Я сомневаюсь, чтобы вам искренне было смешно, когда вы стараетесь защитить современный строй, основанный исключительно на грубом насилии! Да, милостивый государь, я коммунист. Но, кажется, у вас довольно странные понятия о коммунизме. В следующий раз, я постараюсь просветить вас. До свидания!

VII

Амбруаз. И так, вы обещали объяснить нам, что такое ваш коммунизм.

Георг. Охотно. Коммунизм есть форма общественной организации, при которой, вместо того, чтобы стараться захватить возможно больше благ мира сего, вместо того, чтобы теснить и угнетать друг друга, как это делается при теперешнем строе, люди соединятся и вступят во взаимное соглашение, имея целью — обеспечить за каждым возможно большее благосостояние. Исходя из принципа, что земля, рудники и все природные силы так же, как накопленные богатства и все, созданное трудом прошедших поколений, принадлежит всем, люди при коммунистическом строе условятся работать сообща с целью производить все необходимое для всех.

Амбруаз. Я понял. Вы хотите, как говорилось в брошюре, бывшей у меня в руках во время процесса анархистов, чтобы каждый работал по своим силам и потреблял по своим потребностям или, чтобы каждый давал, что может и брал, в чем нуждается. Не правда ли?

Георг. Да, именно эти положения мы повторяем чаще других; но чтобы ясно представить себе коммунистическое общество, как мы его понимаем, нужно прежде всего хорошенько усвоить себе эти положения.

Разумеется, это не абсолютное право, которое давало бы возможность каждому человеку удовлетворять все свои потребности, так как потребности бесконечны и увеличиваются гораздо быстрее, чем средства их удовлетворения, и, наконец, их удовлетворение ограничено известною предельностью производства. Если бы коллективный труд не согласовался с общественной пользой и мог бы принимать нежелательное направление, ставя целью удовлетворение неумеренных желаний, или лучше сказать, прихотей некоторых лиц, — это было бы и нецелесообразно, и несправедливо. Также не может быть и речи о расходовании всех сил каждого человека для общественного производства, так как изнурение человека работой до полной потери сил для полного удовлетворения всех нужд человека, было бы равносильно его гибели. Мы хотим, чтобы

всем жилось как можно лучше, чтобы с наименьшей затратой сил человек достигал бы наибольшего благосостояния. Для меня очень трудно представить вам точно, как практически осуществиться такое положение вещей, да пока я и не считаю это осуществление возможным.

Но когда не станет в обществе ни жандармов, ни хозяев, когда люди будут относиться друг к другу как братья и вместо того, чтобы эксплуатировать друг друга, будут взаимно поддерживать и помогать один другому, тогда практическое осуществление нашего учения не заставит себя долго ждать. В каждом же отдельном случае люди будут поступать, как сумеют и как смогут, постепенно приспособляясь, пока не достигнут известного совершенства.

Амбруаз. Я понял; вы сторонник общественных складов; все занимаются производством предметов по добровольно выбранной специальности, затем все собирается в общественные магазины и каждый потом берет то, в чем нуждается или что ему нравится. Так, да?

Георг. Я вижу, что вы не шутя занялись этим вопросом и, надо полагать, читали бумаги нашего процесса внимательнее, чем обыкновенно это делается, когда отправляют нас в тюрьмы. Право, если бы судьи и полицейские каждый раз прочитывали отбираемую у нас при обысках литературу, они чему-нибудь да научились бы!

Но вернемся к делу. Когда мы говорим о коммунистической собственности, то в этом выражается только наше стремление заменить теперешний торгашеский дух братской солидарностью. Но этим выражением еще не предпрещается точная конкретная форма социальной организации.

Возможно, что вы встретите нескольких наших товарищей, которые предполагают, что добровольный труд будет всегда так спориться и разнообразные продукты будут накапливаться в таком количестве, что вносить какой-либо распорядок в производство и в потребление будет совершенно излишне.

Но, по моему, это не так: как я уже сказал вам, я думаю, что потребностей у человека всегда больше, чем средств удовлетворения, и это меня радует, потому что в этом залог прогресса; я полагаю, что первоначально придется соорганизоваться для удовлетворения только насущнейших потребностей и притом с наименьшей затратой сил, а не заниматься производством так — наудачу, хотя бы и в целях удовлетворить все нужды, какие только могут быть, так как это было бы бесполезной расточительностью. Но, повторяю еще раз: все дело в согласии между людьми, в соглашении, точно установленном или только подразумеваемом, к которому они неизменно придут, признав равенство положения всех и проникнувшись духом солидарности.

Постарайтесь вникнуть в дух нашего учения и не придавайте слишком большого значения формулам, которые и в нашей партии так же, как и в других, только известная манера выразить свои стремления, манера краткая и резкая, но почти всегда недостаточно определенная и недостаточно точная.

Амбруаз. Но разве вы не замечаете, что коммунизм есть отрицание свободы,

непризнание человеческой личности. Может быть, он и мог существовать на заре человечества, когда нравственно и умственно неразвитой дикарь не отделял своих интересов от интересов своего племени; может быть, он возможен в религиозно-монашеском обществе, требующем подавления человеческих страстей, прославляющем порабощение личности общиной и считающем послушание главной добродетелью и обязанностью. Но в современном обществе, при расцвете цивилизации, которая есть результат свободной деятельности независимых личностей, почитающих свободу за высочайшее благо, коммунизм, если бы он не был несбыточным сном, был бы возвратом к варварству. Всякая самодеятельность была бы парализована; всякое стремление опередить других, проявить свою индивидуальность было бы подавлено в корне. . .

Георг. И так далее. . .

Не расточайте вашего красноречия! Эти стереотипные доводы давно мне знакомы!.. Все это только фразы! Бессовестная, бесстыдная ложь! Свобода, индивидуализм человека, умирающего с голода! Какая жестокая ирония! Какое глубокое лицемерие!

Вы защищаете общество, в котором большинство людей живет в уровне животных; общество, где трудящийся умирает в нищете, где дети гибнут тысячами и миллионами от дурного питания и недостатка присмотра, где женщины обращаются к проституции, чтобы не умереть с голода; общество, где царит невежество, где даже талант должен продавать свое знание и лгать, чтобы иметь возможность быть сытому; общество, где никто не может поручиться за завтрашний день, — и вы смеете говорить о свободе и индивидуализме?!

Только разве для вас, для небольшой кучки привилегированных, и существует свобода и возможность развивать свою индивидуальность. . . но и вы — жертвы того строя, где борьбою человека с человеком отравлена вся жизнь; и вы выиграли бы, если бы жили в обществе, основанном на солидарности, равными среди равных, свободными среди свободных.

Как вы только можете настаивать, что солидарность противна свободе и развитию индивидуальности?! Когда мы будем говорить о семье, — а мы поговорим и о ней когда-нибудь, — вы не замедлите пропеть один из ваших хвалебных гимнов этому учреждению, которое и т. д. и т. д. Так вот, между членами семьи, по крайней мере, такой семьи, какую воспевают, но какой, на самом-то деле, нет, — царит любовь и согласие. Станете ли вы утверждать, что братья и сестры были бы более свободны и лучше бы развили свою индивидуальность, если бы, вместо того, чтобы желать друг другу добра и работать при взаимном согласии для общей пользы, стали бы воровать друг у друга и ненавидеть один другого.

Амбруаз. Но чтобы руководить коммунистическим обществом, созданным наподобие семьи, понадобилась бы исключительная централизация, железный деспотизм, неограниченная власть государства. Представляете ли вы себе, каким гнетом легла бы на страну власть, в руках которой сосредоточилось бы

все общественное достояние и которая указывала бы каждому его работу и его долю в потреблении?

Георг. Разумеется, если бы коммунизм был таким, как вы его понимаете или таким, как его представляют социал-демократы, он неизбежно привел бы к тирании и реакции. Но коммунизм, к которому мы стремимся, не имеет ничего общего с этими представлениями; коммунизм, которого мы хотим, должен быть свободным, безначальным, «анархическим» коммунизмом, если вас не испугает это слово. Мы хотим, чтобы коммунизм воцарился свободно повсюду, начавшись с союзов отдельных лиц, перейдя мало помалу в федерации союзов, все более и более расширяющихся, пока все человечество не сольется в единый союз, основанный на кооперации и солидарности.

И так как такой коммунизм установится свободно, он должен будет и поддерживаться свободно волею создавших его лиц.

Амбруаз. Но чтобы это стало возможным, нужно всех людей обратить в ангелов; они все должны быть альтруистами! А человек по своей натуре эгоистичен, зол, лицемерен и ленив.

Георг. Конечно, коммунизм предполагает известную нравственную высоту и ясное сознание взаимных интересов, исключаящее возможность ожесточенной борьбы. Но это совсем уж не так невозможно, как вы думаете! И даже теперь подобные отношения между людьми обычное, нормальное явление. Если при настоящем социальном строе, в основе которого лежит постоянный антагонизм и вражда между классами и отдельными лицами, существует общество, а не стая пожирающих друг друга волков, то это именно благодаря прирожденному человеку общественному инстинкту, который ежеминутно проявляется в тысячах примеров симпатии, преданности и самопожертвования, к которым мы настолько привыкли, что даже не останавливаемся над ними.

Человек по самой своей природе эгоист и альтруист в одно и то же время; если бы он не был эгоистом, т. е. был бы лишен инстинкта самосохранения, он не мог бы существовать, как индивид; если бы он не был альтруистом, т. е. никогда не проявлял бы склонности жертвовать собою ради других, которая прежде всего проявляется в любви к своему потомству, он не мог бы существовать как род и не мог бы жить социальной жизнью.

Настоящий строй не дает возможности одновременного удовлетворения эгоистических и альтруистических чувств, равно присущих человеку; вот почему теперь никто не может быть доволен, даже те, кто занимает привилегированное положение. Напротив, коммунизм есть такой уклад социальной жизни, при котором эгоизм и альтруизм не входят в роковое противоречие. Человек не может не стремиться к этому строю, так как только при нем станет возможным соединить свое счастье с счастьем других.

Амбруаз. Не желать этого нельзя. Все это прекрасно, но все ли захотят добровольно подчиниться обязательствам, налагаемым коммунистическим строем?

Если некоторые не захотят, например, работать?.. Вы мне, конечно, скажете, что работа есть органическая потребность, удовольствие, и что все наперебой будут спешить насладиться этим удовольствием возможно больше. Ведь в вашем воображении все устраивается так, как вам угодно!

Георг. Я этого не сказал бы, хотя многие из моих товарищей думают так. По моему, если в чем и есть органическая потребность и удовольствие, так это в движении, в деятельности как мышечной, так и нервной. Труд же — это дисциплинированная деятельность, объективная цель которой лежит вне организма и я понимаю очень хорошо, что можно предпочитать приятное упражнение, например, верховую езду, обязательной работе, какова посадка капусты или размешивание извести. Но я уверен, что человек сумеет быстро приспособиться к новым условиям и найдет средства для достижения намеченной цели. Так как жизненные продукты необходимы и никто не будет в состоянии заставлять других работать на себя, то неизбежность труда проникнет в сознание каждого, и люди предпочтут именно ту организацию, при которой труд будет наименее тягостен и наиболее продуктивен в одно и то же время, именно организацию коммунистическую.

При этом нужно иметь в виду, что при коммунизме рабочие сами будут организаторами и распорядителями труда и, само собой разумеется, в их интересах сделать труд приятнее и легче: заметьте, что в коммунистическом обществе естественно явится общественное мнение, которое осудит праздность, как нечто вредное для общества и позорное для человека, и людям, если только их склонность к праздности не будет результатом болезни, придется расплачиваться за эту склонность слишком дорогой ценой общественного презрения, претерпевать которое едва ли найдется много охотников. Во всяком случае, их будет не так много, чтобы это могло принести обществу заметный ущерб.

Амбруаз. Но предположите, что несмотря на ваши оптимистические предсказания, тунеядцев в вашем обществе все-таки будет много. Что вы тогда будете делать? Вы все же не будете принимать против них репрессий? В таком случае, не проще ли оставить на своих местах тех, которых вы называете буржуа?

Георг. Огромная разница, потому что теперь буржуа не только отбирают от нас львиную долю того, что мы производим, но они еще препятствуют нам производить необходимые для нас продукты с наименьшей затратой сил.

И в конце концов, нет никакой необходимости кормить тунеядцев, особенно если бы они оказались в таком количестве, что могли быть вредны для общества, тем более, что праздность и привычка жить на чужой счет по ассоциации идей может зародить в них идею власти. Коммунизм есть свободное соглашение: те, которые не примут его или, приняв, нарушат добровольно взятые на себя обязательства, не будут участниками в нем.

Амбруаз. Но тогда явился бы новый класс обездоленных?

Георг. Вовсе нет. Каждый имеет право на землю, на орудия труда и на все преимущества, какими пользуется человек в цивилизованном обществе. Если кто-нибудь не захочет принять участия в коммунистическом обществе и не возьмет на себя тех обязательств, которые оно налагает, это его дело. Он устроится, как он захочет, один или со своими единомышленниками, если таковые найдутся; а если он, устроившись по другому, не почувствует себя довольным, это ему докажет преимущество коммунизма и заставит его присоединиться к коммунистам.

Амбруаз. Значит, всякий будет свободен — принимать или не принимать коммунизм?

Георг. Конечно, всякий, какого бы образа мыслей он ни остался, будет иметь те же права на ее природные богатства и на богатства, добытые трудом прошедших поколений, какие будут иметь и коммунисты. Черт возьми! Разве я не твержу вам все время о свободном соглашении, о свободном коммунизме? Нельзя было бы и заикаться о свободе, раз не существовало бы этой альтернативы.

Амбруаз. Ведь вы не хотите навязывать силою ваши идеи?

Георг. Вы с ума сошли! Не за жандармов же вы нас принимаете!

Амбруаз. Прекрасно. Ну, а для завоевания своих прав вы не прочь и от насилия?

Георг. Об этом я помолчу, чтобы не дать вам материал для обвинительной речи в ближайшем процессе анархистов.

Однако не скрою, что, когда народ сознает свои права и захочет покончить со старым строем . . . вы рискуете подвергнуться некоторым неприятностям. Впрочем все будет зависеть от силы сопротивления, которое вы проявите. Если вы уступите по доброй воле, все обойдется тихо; если, напротив, вы будете упорствовать, — то тем хуже для вас . . .

До свидания!

VIII

Амбруаз. Знаете, чем больше я думаю о вашем свободном коммунизме, тем более убеждаюсь, что вы удивительный оригинал.

Георг. Почему так?

Амбруаз. Потому что вы все говорите о труде, о довольстве, о солидарности, но вы ни словом не обмолвились о правительстве. Каково оно будет? Кто его изберет? Какими средствами оно будет располагать, чтобы заставить подчиняться закону и чтобы наказывать нарушителей закона? Как будут поставлены различные власти: законодательная, исполнительная и судебная?

Георг. Все ваши власти нам ни на что не нужны. Мы не хотим правительства.

Амбруаз. Как же не сказать, что вы — оригинал! Я еще понимаю коммунизм или, лучше сказать, я допускаю, что он имеет большие преимущества в государ-

стве, где все хорошо организовано просвещенным правительством, у которого в руках была бы сила внушить всем уважение к закону. Но без правительства, без законов, воцарится невообразимый хаос!

Георг. Я это предвидел: прежде вы были против коммунизма, потому что, говорили вы, необходимо централизованное и сильное правительство; теперь, когда идет речь об обществе без правительства, вы не прочь признать коммунизм, лишь бы им руководила сильная власть. Свобода — вот что, в конце концов, всего более страшит вас.

Амбруаз. Так или иначе, верно одно: без правительства общество существовать не может. Как можете вы себе представить жизнь без всяких правил и норм? Когда один будет тянуть вправо, другой влево, воз или не сдвинется с места, или вовсе опрокинется.

Георг. Но я ни слова не говорил вам о правилах и нормах. Я сказал, что мы не хотим правительства, а под правительством я подразумеваю власть, устанавливающую законы и принуждающую исполнять их.

Амбруаз. Но если это правительство избрано народом и выражает его волю, чего же еще желать?

Георг. Это ложь. Коллективная народная воля есть лишь отвлеченное понятие, а не реальная сущность. Общество состоит из индивидов, а различные индивиды имеют тысячи различных желаний, вечно изменяющихся в зависимости от разницы темпераментов и случайностей жизни; и требовать от них, с помощью волшебных манипуляций с избирательной урной, общей воли, равно исходящей ото всех, чистейший абсурд. Что может быть нелепее, когда один человек говорит другому: «Исполняй мою волю во всех случаях, которые тебе представятся в течение трех лет». Разве сам кто-нибудь может предвидеть, какова будет его воля в различных случаях? Как же народ может возложить на кого бы то ни было выполнение своей воли, когда, даже в момент вручения полномочий, избиратели обыкновенно бывают не согласны друг с другом?

Вы вспомните только, как происходят выборы? При этом я имею в виду выборы при всеобщем, равном и т. д. избирательном праве и в свободной, сознательной и интеллигентной среде. Например, вы подаете голос за того, кого вы считаете наиболее способным действовать в ваших интересах и согласно вашим убеждениям. И этого уже слишком много, так как у вас столько идей, столько различных интересов, что найти другого человека, который бы всегда и обо всем думал так же, как вы, чрезвычайно трудно. Но разве управлять вами будет именно тот, за кого вы вотировали? Ничуть не бывало. В девяти случаях из ста, ваш кандидат может оказаться не выбранным и тогда ваша личная воля вовсе не будет участвовать в вышеупомянутой народной воле. Но предположим даже, что он будет избран; разве он будет управлять вами? Праздная мечта. Он будет только одним из многих, и вами будут, в действительности, управлять лица, которым, может быть, вы не дали бы никогда такого полномочия. Это большинство, (члены которого получили столько различных

и противоречивых полномочий или, лучше сказать, общее полномочие действовать без определенных указаний), это большинство, не имея физической возможности уловить несуществующую общую волю и удовлетворить всех, будет распоряжаться по своему произволу или, что еще хуже, по произволу немногих, случайно подчинивших своей воле это большинство.

И так, забудьте эту легенду о правительстве, выражающем народную волю. Конечно, есть вопросы общего порядка, в которых в данный момент весь народ будет одинакового мнения. Но тогда, к чему же правительство? Если все убеждены в необходимости предпринять что-либо, так пусть и делают это сами.

Амбруаз. Но, наконец, ведь вы признаете, что нужны известные жизненные правила, нормы. Кто же их установит?

Георг. Сами заинтересованные лица, те, кто будет руководствоваться этими правилами и нормами.

Амбруаз. Но какова же будет функция этих норм?

Георг. Никакой. Поймите же, речь идет о нормах, свободно принятых и свободно выполняемых. Не смешивайте нормы, о которых я говорю, практически вытекающие из чувства солидарности и стремления к общей цели, с законами, которые придумываются своекорыстными или глупцами, и силою приводятся в исполнение. Мы отрицаем законы и признаем лишь свободное соглашение.

Амбруаз. А если кто-нибудь нарушит это соглашение?

Георг. Да зачем ему нарушать, раз это соглашение в его интересах?

А если бы и действительно, оказалось, что поспешно заключенное соглашение нарушает чьи-нибудь интересы, то это лишь доказало бы, что оно непригодно для данной личности и что его следует изменить.

Так или иначе, но, в конце концов, все придет в норму, так как в интересах общества будет устроиться таким образом, чтобы в его среде не было недовольных.

Амбруаз. Не будет ли это возвращением к первобытной общественной организации, при которой каждый сам удовлетворял всем своим потребностям и связь между членами общества ограничивалась элементарными и поверхностными отношениями.

Георг. Вовсе нет. Поскольку разнообразие и сложность отношений будут давать в результате возможно большее удовлетворение, нравственное и материальное, мы постараемся довести это разнообразие и эту сложность до их крайнего предела.

Амбруаз. Но тогда нам придется избрать представителей, на обязанности которых будет лежать установление соглашений.

Георг. Конечно. Но не думайте, что функции этих представителей будут тождественны с функциями буржуазных правительств. Буржуазные правительства издают законы и требуют их исполнения, между тем как в свободном обществе полномочия, данные некоторым лицам будут только налагать на

них временные обязанности руководить данной организацией, но не будут давать им ни малейшего права ни на авторитет, ни на какое-либо специальное вознаграждение, и исполнение решений представителей будет всегда зависеть от усмотрения тех, кто их избрал.

Амбруаз. Но откуда же следует, что все и всегда будут одинаково солидарны? Что, если найдутся люди, которым не придется по вкусу ваш социальный строй? Что вы будете с ними делать?

Георг. Эти люди устроятся так, как им покажется для них лучше, и мы войдем с ними в соглашение, чтобы нам взаимно не причинять друг другу неприятностей.

Амбруаз. Ну, а если они захотят вам мешать?

Георг. Тогда мы будем защищаться.

Амбруаз. Но как только возникнет необходимость самозащиты, сейчас же возникнет вопрос об учреждении правительства.

Георг. Несомненно, эта опасность существует; потому-то я особенно подчеркиваю, что анархическое учение только тогда будет возможно провести в жизнь, когда будет устранена основная, роковая причина всех человеческих столкновений — частная собственность. Вот почему, будучи анархистом, я в то же время и коммунист. Было бы тщетно пытаться установить анархический строй теперь же, оставив нетронутой частную собственность и другие социальные учреждения, связанные с нею. Подобная попытка ввергла бы общество в такой хаос гражданской войны, что правительство, способное восстановить мир, как бы деспотично оно не было, приветствовалось бы всеми, как избавление.

Если же и после того, как частная собственность перейдет в общее достояние, возможны какие-нибудь конфликты, то их нетрудно будет устранить, так как всем будет очевидно, что соглашение ведет к общему благу.

В конце концов, учреждения будут таковы, каковы люди, установившие их; одни будут стоять других, — и так как анархизм есть ничто иное, как свободное соглашение, то он и возможен только тогда, когда люди поймут выгоды взаимопомощи и придут к солидарности.

Вот для чего нам нужна пропаганда.

IX

Амбруаз. Позвольте, я опять вернусь к коммунистическому анархизму. Откровенно говоря, я не могу его переварить.

Георг. Еще бы! Да вас, проведшего всю жизнь между томами законов и жандармами, защищающими привилегии правительства и права собственников, для вас общество вне государства, без частной собственности, общество без крамольников и нищих, которых надо ссылать в каторжные работы, должно казаться упавшим с луны. Но если вы хотите быть беспристрастным, если вы

сделаете усилие над собой, чтобы победить привычное течение ваших мыслей, и если вы захотите подумать о вещах без предупреждения, вы легко убедитесь, что, если считать целью всякого общества осуществление наибольшего благополучия его членов, то анархический коммунизм есть именно то решение, к которому люди неизбежно должны прийти. Напротив, если вы думаете, что общество существует для того, чтобы откармливать нескольких тунеядцев за счет других, тогда . . .

Амбруаз. Нет, нет, я именно считаю, что общество имеет в виду общее благо, и все-таки я не могу примириться с вашей системой. Я добросовестно стараюсь стать на вашу точку зрения, но ваши заключения так утопичны, так . . .

Георг. Но какой же, собственно, пункт в моем изложении находите вы неясным и неприемлемым?

Амбруаз. Право . . . я не знаю . . . вся система . . . Оставив в стороне вопрос о праве, в котором мы столкнуться не можем, предположив, что, как вы утверждаете, все будут равно пользоваться существующими богатствами, я допускаю, что коммунизм — самый простой и, может быть, наилучший социальный строй. Но что мне кажется решительно невозможным, так это общество без правительства.

Вы кладете в основу вашего социального здания свободные союзы граждан?

Георг. Да, именно, союзы без всякого принуждения.

Амбруаз. И в этом ваше основное заблуждение. Общество подразумевает иерархию, дисциплину, подчинение отдельного лица общине. Без авторитета власти общество невозможно.

Георг. Как раз наоборот! В точном смысле слова, общество может существовать только среди равных; а равные, обыкновенно, вместо того, чтобы угнетать друг друга, вступают в соглашение, если видят в этом взаимную выгоду. Отношения же, в основе которых лежит подчинение одних слоев общества другим, есть ничто иное, как отношения рабов и господ; а вы, надеюсь, не станете отрицать, что раб такой же товарищ своему господину, как лошадь или корова своему хозяину.

Амбруаз. И вы серьезно верите, что возможно такое общество, где каждый делает, что хочет?

Георг. Разумеется, при условии, если люди захотят жить обществом и будут соблюдать необходимые условия социальной жизни.

Амбруаз. А если не захотят?

Георг. Тогда общество невозможно. Но так как человек, по крайней мере, современный, может только в обществе найти удовлетворение своих материальных и моральных нужд, то было бы странно предположить, что он откажется от того, что является для него необходимым условием жизни и благополучия.

Людам труднее всего согласиться в отвлеченных спорах. Но раз доходит до дела, одинаково для всех необходимого и не терпящего отлагательств, как тот час же устанавливается вполне удовлетворительное согласие. Как только

люди убедятся, что никто не может подчинять других своей воле и заставлять их поступать так, как ему желательно, тотчас же исчезнут упорство и тревога самолюбия, все станут сговорчивы и дело быстро наладится к общему благополучию.

Это понятно: все человеческое в воле человека. Для нас вся задача состоит в том, чтобы изменить эту волю, заставив людей понять, что ведя постоянную борьбу друг с другом, ненавидя и взаимно эксплуатируя друг друга, они много теряют от этого, и побудить их к общественной организации, основанной на взаимопомощи и солидарности.

Амбруаз. Таким образом вам придется отложить социальный переворот до тех пор, пока все не оценят по достоинству преимуществ анархического коммунизма и не пожелают ввести его?

Георг. О нет! Хороши бы мы были! По большей части воля отдельных индивидов определяется окружающей средой и, вероятно, пока будут существовать настоящие условия, большинство людей будут продолжать верить, что общество и не может быть устроено иначе, чем оно есть.

Амбруаз. Так что же вы предпримете?

Георг. Когда нас будет количественно достаточно для того, мы введем коммунизм и анархизм в наши отношения и мы уверены, что, когда прочие увидят, как нам хорошо, они не замедлят сделать то же, что и мы. Или, если мы не сможем провести в жизнь коммунизм и анархизм, мы будем работать над тем, как изменить социальные условия таким образом, чтобы направить волю людей в желательную для нас сторону.

Вы понимаете: дело идет о взаимодействии социальной среды на волю индивидов и, обратно, воли индивидов на социальную среду. Мы делаем и будем делать все, что неуклонно ведет по пути к намеченному идеалу.

Мы не хотим насиловать ничью волю, это вы должны понять; но мы не хотим также, чтобы кто-нибудь насилывал нашу волю или волю народа. Мы восстаем против того меньшинства, которое путем насилия эксплуатирует и угнетает народ. Но как только свобода будет завоевана как для нас, так и для всех остальных, как только продукты питания, жилища, одежда, земля и орудия производства станут достоянием всех, в дальнейшем, для всестороннего проведения в жизнь наших идей мы будем пользоваться исключительно силой слова и влиянием примера.

Амбруаз. Похвальные намерения! И вы думаете таким путем прийти к обществу, которое будет управляться просто одной согласной волей своих членов?

Вот уж можно сказать — случай без прецедента!

Георг. Совсем нет: прецеденты можно встретить на каждом шагу, если только мы повнимательнее присмотримся к отношениям между равными членами общества. Конечно, взаимная солидарность не может быть руководящим началом в отношениях завоевателей к поработанным, эксплуататоров к эксплуатируемым. В деспотических государствах, где все подданные составляют

только стадо вьючного и убойного скота, предназначенное к услугам только одного, — никто не имеет воли, исключая повелителя. . . и тех, в ком нуждается повелитель, чтобы держать массу поработанной. По мере же того, как, вследствие прогресса культуры, все большее и большее число элементов выделяется из недр народной массы и образуется значительный, господствующий класс, среди членов этого класса все более и более укореняется тенденция — добровольно идти на встречу интересам людей своего класса. Та же самая тенденция, по мере пробуждения самосознания, распространяется и среди поработанных, так что в настоящее время добрая половина социальных отношений, как в классе господствующем, так и в классе поработанном основывается на добровольном и часто бессознательном соглашении между отдельными лицами, и без всякого вмешательства закона и принудительной власти люди в подавляющем большинстве своих поступков по привычке руководствуются требованиями чести, необходимостью сдержать данное слово, боязнью общественного мнения, чувством порядочности, любви, симпатии, наконец, правилами вежливости. Потребность же в законах и правительстве возникает только тогда, когда дело коснется отношений господствующих классов к поработанным. Уничтожьте деление общества на классы, сделайте так, чтобы не было господ, наслаждающихся жизнью, и рабов, которых нужно держать в цепях, и государственный механизм с его законами, солдатами, полицейскими, судьями и проч. потеряет всякое право на существование.

Ведь и теперь уже люди одного класса, вращающиеся в одном обществе, даже при острых столкновениях, стыдятся звать городского или подавать жалобу в суд.

Амбуаз. Но в своем отрицательном отношении к государству, вы совершенно забываете об его культурных функциях, как, например, покровительство просвещения, заботы о народном здравии, защита личной неприкосновенности граждан, организация общественных работ и проч. Не станете же вы утверждать, чтобы все это было бесполезно, или даже вредно.

Георг. Ну, если принять во внимание, как выполняет ваше государство эти культурные функции, то не останется ничего больше, как пожелать ему поскорее исчезнуть с лица земли. Да и к тому же, в конечном счете, ведь это эксплуатируемые труженики выполняют все эти дела, а государство, считая себя распорядителем, обращает их в орудия господства и пользуется их трудом к выгоде правящих и собственников.

Просвещение распространяется и без помощи государства, если у народа есть охота учиться, и есть учителя, способные учить; народное здравие будет в цветущем состоянии, когда народ ознакомится с правилами гигиены и сможет применить их на практике, и если есть врачи, способные лечить народ; жизнь граждан будет в безопасности, когда люди привыкнут смотреть на человеческую жизнь и свободу, как на нечто священное и когда . . . не будет ни судей, ни полицейских, чтобы подавать пример жестокости и насилия; общественные

работы организуются и самим народом, когда в них встретится надобность.

Государство ничего не создает: даже, будучи доведено до совершенства, оно — лишнее учреждение, бесполезно расточающее народные силы. Но . . . если бы оно было только бесполезным!

Амбруаз. Довольно. Я нахожу, что вы достаточно высказались. Но мне нужно еще поразобраться во всем этом.

А теперь мне хотелось бы услышать ваше мнение о семье, об эмансипации женщин, о праве отца на своих детей, о преступлениях и наказаниях. И тогда я, надеюсь, буду иметь цельное и законченное представление об этом социализме или этом коммунистическом анархизме, как вы его называете.

В заключение же вы, я думаю, не откажетесь познакомить меня с теми практическими способами, при помощи которых вы надеетесь достигнуть желаемых результатов?

Георг. Охотно. Но это до следующего раза, теперь же мне надо идти. До свидания!

Х

Амбруаз. Поговорим теперь о семье. Вот вы вводите общественное пользование всем: а относительно женщин, — тоже будет применяться принцип общественного пользования, и вы устроите огромный гарем, не так ли?

Георг. Послушайте! Если вы хотите говорить со мной серьезно, то не остригите так плоско и грубо! Вопрос, которого вы коснулись, слишком серьезен и исключает вульгарные шутки.

Амбруаз. Но . . . но я серьезно спрашиваю: что вы будете делать с женщинами?

Георг. Извините, но меня поражает, как вы не понимаете, какой вздор вы говорите. Общественное пользование женщинами! Но почему вы не говорите об общественном пользовании мужчинами? Впрочем, понятно: по установившейся, традиционной привычке вы смотрите на женщину, как на существо низшее, существующее только для того, чтобы услуживать и быть орудием наслаждения для своего господина; вот почему вы говорите о ней, как о вещи и считаете возможным определять ее назначение, как определяется назначение какой-либо вещи. Но для нас женщина — прежде всего человек, человеческое существо, равное нам, и которое, поэтому, должно пользоваться теми же правами и теми же средствами существования, как и мужчина. Отсюда следует, что самый ваш вопрос: что мы будем делать с женщинами? является абсурдом. Можно спросить: что будут делать женщины? На это я вам отвечу: они будут делать то, что захотят. Им необходимо, как и всем людям общение с другими и они, как и все остальные, не преминут вступить в те или иные соглашения с одинаково мыслящими как мужчинами, так и женщинами, для достижения наибольшего благополучия себе и другим.

Амбруаз. Следовательно, вы прежде всего признаете женщину совершенно равной мужчине. Однако, многие ученые, ссылаясь на анатомическое строение мозга и физиологические функции женского организма, утверждают, что женщина, по природе ниже мужчины.

Георг. Знаем мы этих ученых! Что бы вы не придумали, вы всегда найдете ученого, на которого можно сослаться. Действительно, некоторые ученые признают, что женщина ниже мужчины, но в то же время есть и другие, которые, наоборот, утверждают, что, как природные данные, так и способность развития одинаковы как у мужчины, так и у женщины, и если теперь женщины, в большинстве случаев, менее интеллигентны, чем мужчины, это зависит от их воспитания или от окружающей их среды. Мало того: стоит только поискать и вы найдете ученых, по крайней мере, ученых женщин, которые более или менее основательно доказывают, что мужчина есть существо низшее, назначение которого поддерживать женщину материально, чтобы предоставить ей без забот осуществлять свое призвание — продолжение человеческого рода. Я знаю, этот тезис поддерживается в Америке.

Но это в сторону. Все подобные теоретические мудрствования нисколько не способствуют разрешению вопроса; он может быть решен только практически. Дайте женщине все средства и полную свободу развиваться: результатом будет то, что и должно быть. Факты докажут, кто более интеллигентен, женщина или мужчина; наука воспользуется опытом, и только после этого, опираясь на достаточное количество проверенных фактов, наука будет иметь возможность дать свое нелицеприятное заключение.

Амбруаз. А как вы относитесь к различию природных дарований отдельных лиц?

Георг. Каковы бы ни были природные дарования, они не должны давать прав на исключительные привилегии. В природе вы не найдете двух одинаковых индивидов; но мы требуем социального равенства для всех, т. е. условия и средства развития должны быть для всех одинаковы, — и мы верим, что это равенство не только отвечает чувству справедливости и братской любви, которое заложено в человечестве, но также клонится и к обоюдной выгоде всех, как сильных, так и слабых.

Среди мужчин также наблюдается значительное различие умственных способностей, но из этого еще не следует, что умные должны иметь больше прав, чем посредственные. Некоторые, например, утверждают, что блондины более одарены, чем брюнеты; что расы с удлиненным черепом выше рас круглоголовых; эти вопросы, будучи научно разработаны, быть может имеют значительный интерес, но при современном развитии чувства справедливости, было бы безрассудно требовать, чтобы блондины и длинноголовые пользовались большими правами, чем брюнеты и круглоголовые, или наоборот. Не правда ли?

Амбруаз. Да, это верно. Но вернемся к вопросу о семье. Хотите ли вы ее вовсе

уничтожить или же только устроить на других основаниях?

Георг. Касаясь вопроса о семье, нужно прежде всего иметь в виду, что он охватывает собой тройкого рода отношения: экономические, половые и отношения между родителями и детьми.

Само собой разумеется, что в экономическом отношении семья утратит свое значение и фактически перестанет существовать, как только будет уничтожена частная собственность, а, следовательно, и права на наследство. В этом смысле семьи уже не существует у пролетариата, т. е. у большинства населения.

Амбруаз. Ну, а в половых отношениях? Вы, конечно, признаете только свободную любовь и . . .

Георг. А вы — сторонник любви по принуждению?

Действительно, в современном обществе на каждом шагу можно встретить вынужденное сожительство, притворную, поддельную любовь, вызванную насилием, корыстью или боязнью общественного мнения; можно встретить не мало мужчин и женщин, которые хранят брачные узы из-за религиозного или нравственного убеждения; но истинная любовь возможна и понятна только тогда, когда она свободна.

Амбруаз. Это верно. Но если каждый будет поддаваться первому капризу, который ему будет нашептывать амур, тогда нравственности нужно сказать: прости! и весь свет обратится в публичный дом.

Георг. Где же вы видите ту нравственность, которую боитесь утратить?

Легкие связи, ложь во всех видах, долго скрываемая ненависть, мужья, убивающие своих жен, жены, отравляющие своих мужей, детоубийства, дети, вырастающие среди семейных скандалов и раздоров . . . вот плоды буржуазных семейных учреждений.

Современное общество есть, действительно, как публичный дом, где женщины, чтобы прокормить себя, зачастую вынуждены обращаться к проституции или явной, или замаскированной, называемой браком по расчету, в котором женщина за стол и квартиру отдается человеку, к которому, в лучшем случае, равнодушна, а зачастую питает органическое отвращение.

Предоставьте всем возможность материально обеспеченной и независимой жизни, предоставьте женщине полную свободу располагать собою, уничтожьте религиозные и другие предрассудки, которые часто служат как для мужчин, так и для женщин, источником разного рода недостойных компромиссов, и отношения мужчин и женщин будут регулироваться исключительно взаимной склонностью; будет ли это экзальтированная романтическая любовь на всю жизнь, или мимолетное чувственное увлечение — это, вопрос личного темперамента.

Амбруаз. Но, наконец, вы сторонник постоянного или временного союза? Вы желаете отдельных пар или многочисленности и разнообразия половых отношений, или даже полного смешения?

Георг. Повторяю, мы хотим одного: свободы чувств, а те или иные его прояв-

ления касаются только заинтересованных лиц.

До настоящего времени, во все времена и у всех народов половые союзы возникали обыкновенно под давлением грубого насилия экономической необходимости, религиозных предрассудков или предписаний закона, так что почти нет никаких данных для решения вопроса, в какую форму выльются половые отношения, освобожденные от всякого постороннего давления, какая форма сожителства будет лучше отвечать физическому и нравственному благу отдельного человека и рода.

Разумеется, с уничтожением навсегда тех условий, которые ныне делают отношения между мужчиной и женщиной искусственными и вынужденными, сама собой установится та истинная половая гигиена и половая мораль, с которой будут считаться не потому, что она предписана законом, но лишь потому, что на опыте убедятся, что та и другая наиболее способствуют как благополучию отдельных индивидов, так и сохранению рода.

Но все это возможно только при полной свободе.

Амбруаз. А дети?

Георг. Вы понимаете: раз будет введена общая собственность на твердых моральных и материальных основаниях, раз утвердятся принцип общественной солидарности, содержание детей будет возложено на общину и их воспитанием будут заинтересованы и озабочены все.

Вероятно, и все мужчины, и все женщины будут любить всех детей; а если, как я думаю, некоторые родители будут чувствовать исключительную склонность к детям, рожденным ими, то им надо будет только радоваться при мысли, что будущее их детей вполне обеспечено и что их воспитанием озабочено все общество.

Амбруаз. Но вы признаете, по крайней мере, права родителей на их детей?

Георг. Права на детей состоят из обязанностей: тот имеет больше прав руководить ими и заботиться о них, кто любит их и кто занимается ими больше других: так как обыкновенно родители любят своих детей более, чем посторонние, то им, по преимуществу, и будет принадлежать право заботиться об их нуждах. Именно в этом вопросе нечего бояться разногласий, потому что, если какой-нибудь извращенный отец не будет любить своих детей и не будет о них заботиться, он будет очень доволен, что другие займутся ими и избавят его от них.

Но если под словами «право отца» вы подразумеваете право дурно обращаться со своими детьми, эксплуатировать и коверкать нравственно и физически, я абсолютно отрицаю это право и убежден, что никакое общество, достойное этого имени, не признает и не потерпит его.

Амбруаз. А не думаете ли вы, что раз содержание и воспитание детей будет возложено на общество, то это поведет к такому увеличению населения, что средств существования не будет доставать для всех? А вы еще и слышать не хотите о мальтузианстве и называете его абсурдом!

Георг. Я сказал вам тогда, что это абсурд — объяснять современные бедствия невоздержанным деторождением и думать, что можно всему помочь мальтузианскими методами. В принципе допускаю, что в будущем, когда содержание всех рождаемых детей будет обеспечено, излишек народонаселения может грозить общественному благосостоянию. Но этот вопрос меня мало тревожит: свободные и образованные люди придумают, когда найдут нужным, как ограничить слишком быстрое размножение; но я прибавляю, что серьезно задуматься над этим им придется только после того, как будут уничтожены все привилегии, все преграды, создаваемые жадностью собственников безграничному росту производства. Как только исчезнут все социальные причины бедности, необходимость согласовать численность населения с количеством производимых продуктов и с пространствами, пригодными для заселения, покажется всем самой элементарной истиной.

Амбруаз. Но если люди не захотят задуматься над этим?

Георг. Тем хуже для них.

Вы не хотите понять: ведь нет никакого божественного провидения, которое бы заботилось о благе людей. Люди сами должны уяснить себе, в чем это благо заключается и сами должны свершить все возможное, чтобы прийти к нему.

Вы все говорите: а если они не захотят?!

В таком случае они ни к чему не придут и навсегда останутся добычей враждебных сил, их окружающих.

Одно из двух: или люди не знают, как поступать, чтобы стать свободными, или же они знают это, и не хотят сделать то, что нужно. И в том, и в другом случае они продолжают оставаться рабами.

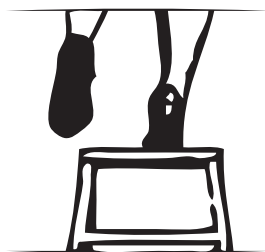
Но мы постараемся, чтобы незнающие узнали, а знающие захотели гораздо скорее, чем вы этого ожидаете.

И тогда рухнет ваше царство произвола и насилия и взойдет над миром заря свободы!

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Эррико Малатеста

Краткая система анархизма в десяти беседах

1897

Это сокращенная версия работы Малатесты «В кафе — беседы об анархизме»,
состоящая из 17 бесед. Английская версия доступна здесь: zinelibrary.info

Сохранено 5 октября 2011г. из a-read.narod.ru